

18+

*Первая премия XI
Международного конкурса
«Авторы для Европы» 2014 г.*

*Финалист XVIII Международной
премии поэзии и прозы «Флоренция
– столица Европы» 2016 г.*

*Специальная премия
поэтического конкурса
SacraVita 2015-2016 гг.*

АРТУР АЛЕКСАНЯН

РЕБЁНОК И ВЕТРЫ АРМЕНИИ

Артур Алексанян
Ребёнок и ветры Армении

«Издательские решения»

Алексян А.

Ребёнок и ветры Армении / А. Алексян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551936-8

«Ребёнок и ветры Армении» — игра памяти ребёнка, который находит своё прошлое во фрагментах семейной жизни. В калейдоскопическом видении, в тени истории армянского народа, мы следим за рассказами главных героев, путешествующих с Востока на Запад. Побег ради выживания превращается в способ самоутверждения, а Венеция становится местом встречи миров и поколений. Восстановление событий прошлого сталкивается с потребностью идентифицировать себя в настоящем посредством письма.

ISBN 978-5-00-551936-8

© Алексян А.
© Издательские решения

Содержание

Мотивация	6
Пролог	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ребёнок и ветры Армении

Артур Алексанян

*Я посвящаю эту книгу своим детям,
Аманде и Микаэлу. Спасибо всем тем, кто был со мной рядом
на этом пути.*

Сусанна Агабабян *Переводчик*

Татьяна Тростникова *Редактор*

Татьяна Тростникова *Корректор*

© Артур Алексанян, 2021

© Сусанна Агабабян, перевод, 2021

ISBN 978-5-0055-1936-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой Артур!

Спрятавшись дома от этой ужасной жары, я наконец смогла посвятить пару часов твоей книге... и прочитала ее на одном дыхании. Просто не могла оторваться от этой истории, которая отчасти является и моей тоже. Все те страхи и бесконечные «почему», о которых ты пишешь, особенно в первой части, мне хорошо знакомы с детства. Тревога и бегство от боли моего дедушки... его ноги, испещренные ранами...

Остров Святого Лазаря в Венеции – волшебное место спасения и любви, где мой дедушка нашел убежище и стал священником-мхитаристом, приняв имя Сукиас... и где потом встретил свою любовь. Пока я читала твою книгу, мне казалось, что мы словно в два голоса поем одну и ту же песню. Такая сильная вовлеченность не могла не отозваться болью в моем сердце. И все же, несмотря на это, я продолжала читать.

Удивительно, что я не прочитала эту книгу тогда, когда ты мне о ней рассказал в самый первый раз. Видимо, только сейчас я наконец созрела и по-настоящему осознала свои корни. И поэтому способна по-настоящему понять то, о чем ты пишешь. Понять твои мучения, любовь, волнения, которыми была переполнена твоя жизнь, хоть ты и пишешь не от своего лица.

Спасибо тебе, дорогой Артур. Я еще не читала твои стихи, но «Ребенок и ветры Армении» забрали все мое внимание. Бывает, некоторые книги можно читать вперемешку с другими, а бывает так, что и одна книга занимает все твое время и место в сердце. Я обнимаю тебя, мой армянский брат, встретить тебя было для меня невероятной радостью!

Лаура Эфриян

Я доверю морю,
Прежде чем бездна поглотит меня,
Бутылку, оставленную потерпевшим кораблекрушение.
Чтобы эта история была прочитана
Губами, влажными от воды...

Мотивация

Наша история принадлежит нам и только нам, другим она становится доступна, только если мы сами решаем ею поделиться. В этой книге рассказывается история семьи, полная ностальгических воспоминаний и страстей, а также история давно забытого и отвергнутого всеми народа, отмеченная знаком совершенного над ним насилия.

Главный герой, храня память о своей украденной родине, становится гражданином мира и решает рассказать историю целого народа на примере своей собственной. Сто лет назад в отношении целой нации был совершен карательный акт. Более миллиона армян были вынуждены навсегда покинуть свои дома.

Турки называли это «тактическим переселением», но, если называть вещи своими именами, это была самая настоящая депортация и холокост. В мире это событие известно как геноцид армян. Все началось еще после распада Османской империи, за которым и последовали атаки на армянский народ в Анатолии и по всей территории Турции.

Впрочем, в романе речь идет совсем не об этих драматических фактах истории. Автор, Артур Алексанян, переносит воспоминания своей матери в другое время, а точнее, в 1922-й год, отмеченный другой кровавой резней. Проиграв войну (Первую мировую), Османская империя лишилась большого количества своей территории.

Кроме того, ее оккупировали французы, итальянцы, греки – последние заняли Смирну, где уже давно образовалась целая греческая колония. Греческая оккупация Западной Анатолии была кровавой, как и последовавшая за ней греко-турецкая война, кульминацией которой стал пожар в Смирне в сентябре 1922 года.

Контрнаступление Турции очень быстро приобрело форму этнической зачистки. Оно было направлено как против греков, так и против армян – народа, исповедовавшего христианство, причем как православное, так и католическое.

Возвращаясь к книге, стоит подчеркнуть, что даже в рассказе о самых печальных воспоминаниях нет ни капли ненависти. Только меланхолия, которая отчетливо слышится в голосах каждого из сменяющих друг друга повествователей: турецкого офицера, который спасает хозяйку захваченного им дома; двух женщин, сбежавших из Бандырмы – матери и бабушки ребенка, которого ветры Армении унесут далеко от его земли.

Эти ветры дуют в обратную сторону, потому что весь мир движется в обратную сторону, и в порту больше не безопасно. Вот так, меняя голоса, и рассказывается эта история семейной диаспоры, которая попадает в Венецию – гостеприимный город с большой армянской общиной.

Превосходное послесловие Эмануэлиты Веккио безупречно и детально обрисовывает самую суть романа: необходимость. Необходимость его написать, чтобы вернуть себе все воспоминания, а вместе с ними – свою национальную идентичность, найти свое собственное «я» в этом бегстве, закрепить это живыми образами, найденными где-то в глубинах памяти, закрепить все это путешествиями, которые, казалось, были predetermined самой судьбой. И в конце концов, отказаться принять все просто так, как есть, чтобы обрести совершенно иное и новое внутреннее спокойствие.

Артуро Молилари

Член жюри литературной премии «Авторы для Европы 2014»

Пролог

На Араратской равнине армяне проиграли сражение против персов – они обладали численным превосходством и были гораздо сильнее. Армия иранских Сасанидов насчитывала слонов и настоящие военные машины, а армянское войско состояло в основном из простых крестьян. Годовщину Аварайрской битвы под предводительством полководца Вардана Мамиконяна с большим размахом празднуют из года в год. Ведь несмотря на поражение, после этой битвы был подписан трактат, позволивший армянам исповедовать христианскую религию и не принимать зороастризм.

В этом-то и состоял главный парадокс – потерпев поражение на поле боя, армяне одержали другую, духовную победу. Они вовсе не были уничтожены. Возможно, все дело было в том, что персы не ожидали увидеть такую храбрость и пыл, и они поняли, что уничтожить армянских воинов будет задачей не из простых.

История повторилась снова.

Мне ее много раз рассказывали в армянском колледже в Венеции, где я учился. Она, как и многие другие истории, была частью истории моей собственной жизни – между детством и юношеством. И сегодня я хочу попытаться понять, был я в этих историях, пускай и неосознанно, главным героем, победителем или побежденным. Или же действующим лицом в них был кто-то другой, кто-то, кто был со мной совсем рядом, но о чьем существовании я даже не подозревал.

И я решил покопаться в прошлом, достать все эти истории из тайника. Словно они были подарком, который должен был придать смысл всему моему существованию, стоило мне только взять его в руки. Если я действительно был главным действующим лицом, то мне предстояло полностью обнажиться, словно ромашке, с которой один за другим сорвали лепестки.

Каждый лепесток означал вопрос, как в гадании на любовь. После того, как будут сорваны все, останется только бутон, соцветие ромашки – то, что по-настоящему может разглядеть лишь готовый проникнуть в самую глубину. Голая ромашка без лепестков – впечатляющее зрелище! Возможно, этот обнаженный бутон был олицетворением всей моей жизни.

Мысли о бутоне напомнили мне один сон, который одним холодным серым утром приковал меня, обессиленного, к постели с таким ощущением, словно кто-то заехал мне кулаком по лицу. И пускай сам сон практически стерся из моей памяти, я помню, что там был этот бутон, и он был похож на утробу моей матери. Я стоял, окруженный розовыми стенами с красными, как будто неоновыми, прожилками; места было очень мало, но мне там было хорошо.

В какой-то момент разразилась буря, и волны, окатывавшие меня с ног до головы, подтолкнули меня к полоске мерцающего света. Казалось, это свет маяка, который озаряет все вокруг и днем, и ночью. Толчок был довольно грубый, и я, как ни старался, не смог удержаться на месте. Проскользнув вдоль стен, я выпал наружу. Осмотрелся вокруг и постарался закрыть глаза, но у меня не вышло.

Цвета вокруг меня пугали. Я посмотрел вниз и увидел белые лепестки, разбросанные по земле. С трудом сделал несколько первых шагов в похожем на сад пространстве и вдруг увидел на скамейке старца с белой бородой... в этот момент я очнулся ото сна.

Кем был этот старец? Возможно, той моей частью, что так меня пугала. Особенно в те моменты, когда мне нужно было принять очередное решение, которое должно было помочь мне вылезти из моего экзистенциального панциря.

Он появился на свет задолго до меня, сразу старым. Я решил для себя, что это мое бессознательное. Эдакий молчаливый спутник, образ, окутанный ложью. Он был мне очень нужен, как бывают нужны кольца подшипника, чтобы избежать трения между двумя элементами и добавить динамики существованию.

Старец обратился ко мне: «Теперь выяснилось, что почти всю свою жизнь ты потратил на то, чтобы сейчас оказаться этим бутонем, пустым и потерявшим лепестки, которые должны были символизировать твою упрочившуюся любовь к самому себе. Ты много путешествовал и в этот бутон, как в чемодан, складывал разные кусочки истории, желания, мечты и все то, что находил по жизни».

Черт возьми, как же ты прав! Я все складывал в этот чемодан, и со временем он стал таким тяжелым, что у меня больше нет никаких сил его тащить. Как только я брал его в руки, мне сразу становилось трудно дышать и стоять на ногах.

Скажу даже больше: иногда я, одолеваемый любопытством, мельком заглядывал в него во время остановок и видел там тяжелые камни. В этом чемодане лежало огромное количество вещей, часть которых никогда мне и не принадлежала. Но я все равно хранил их там, как турист, который покупает сувениры, точно не зная, кому он хочет их подарить. Это повторялось раз за разом.

Часто случается, что мы, сами того не осознавая, берем с собой вещи и людей, которые нам не принадлежат, и складываем их каждый в свой чемодан, уверенные в том, что однажды они смогут стать нашими. В моем чемодане было все – в зависимости от того, кто рассказывал, и кто слушал. Изумление, удивление, вина, сожаление, а еще привязанности и любви. И твоя ложь там тоже была.

Я обращаюсь к тебе, к той проклятой части меня, с которой мы прожили такую странную жизнь, то вместе, то порознь. Это продолжается уже очень давно. Ты был моим демоном, пресекающим все мои стремления к какой бы то ни было определенности.

Видя, как я умираю от жажды, ты делал все, что было в твоих силах, лишь бы я очутился в пустыне. Это из-за тебя я сбежал из отношений, потому что не мог трансформировать смутные перспективы во что-то более конкретное несмотря на чувства, которые испытывал к женщине.

Помню поцелуй одним летним вечером. Ее звали Лаура, и между нами, как тонкая-тонкая нить, только начала устанавливаться связь. Мы были молоды, эта связь подпитывалась моим желанием видеть ее каждый день. Сколько радости, сколько нежности мы дали друг другу, сколько времени мы провели вместе... и все же эта тонкая нить оборвалась.

Я потратил много времени, пытаюсь понять, почему... Возможно, потому что я просто потерял способность делать ее счастливой. Поэтому однажды она мне написала, что больше меня не понимает и что ищет счастья.

Я ответил ей, что в ней говорит ее пуританское воспитание, и что эти ее поиски счастья – не что иное, как отголоски взглядов буржуазного общества. Я сказал ей, что самому мне эти поиски когда-то дали много сил, но одновременно и разрушили тоже. Она меня больше не понимает... Может быть, я действительно убежал от нее, а может, ей так казалось со стороны.

Может быть, это был страх любви, который со временем перерос в страх жизни. Я боялся смерти и всего, что ей сопутствовало, но кроме этого, боялся и тебя тоже. Ты всегда был со мной, сопровождал меня во всех моих бегствах. Ты был со мной тогда, когда я дезертировал из французской армии, чтобы не служить в Алжире во время войны. Удивительное совпадение, но позже я, будучи французским гражданином, все же поехал в уже независимый Алжир по работе.

Я работал тогда на большую американскую компанию с филиалом в том числе в Риме. У меня была черная машина с римскими номерами, я был французом и в то же время итальянцем. А то, что я был армянином, в голову мне даже не приходило.

Цвет машины я уточнил неспроста: я был единственным, кто разъезжал по алжирским нефтяным месторождениям, разбросанным по разным частям пустыни, на черной машине с красными сидениями. В тех краях все машины были либо белые либо цвета голубой метал-

лик. Я отличался от остальных даже в этом, пускай и не по своей вине. Возможно, американцы просто понятия не имели о том, каким транспортом пользуются в пустыне на севере Африки.

Оглядываясь назад, я понимаю, что работа в Алжире была без сомнения одним из самых важных жизненных опытов для меня, там было все: одиночество, ответственность, умение отличиться в любой рабочей или жизненной ситуации. Эту последнюю свою способность я наивно называл «умением пригодиться».

Я всегда боялся потерять ту часть себя, которая принадлежала только мне самому, а ты лишь подливал масла в огонь. Ты сопровождал меня на пути к успеху, пока я не пришел к тому, что позволял себе абсолютно любые траты за счет компании и посещал встречи с другими менеджерами в разных городах по всему Средиземноморью, не надевая галстука.

В память о тех временах у меня осталась групповая фотография, сделанная перед отелем Hilton в Никосии – неопровержимое доказательство моего существования. Что касается всего остального, в том числе отношений с другими людьми и, в частности, с женщинами, ждать от тебя помощи мне не приходилось.

В детстве я столкнулся с той частью женского мира, которая состояла сплошь из запретов. Потом, пока я учился в колледже, женский мир как будто перестал существовать. По-настоящему мое знакомство с ним состоялось только в студенческие годы.

Все мои отношения с другими людьми, особенно рабочие, сводились, по сути, к тому, чтобы сначала завоевать человека, а затем постепенно добиваться с помощью него всех своих целей. Я хотел создать полноценное виртуальное хранилище, в котором были бы собраны все воспоминания о моих взаимодействиях с разными людьми, как неосязаемые, так и осязаемые, но мне так и не удалось это сделать. Я умел «разговорить» людей. И пример тому случай, который произошел со мной во время одной из поездок по югу Алжира.

В местечке под названием «Le Balcon du Roufi» я познакомился с пожилым мужчиной, возраст которого не поддавался определению. Мы заехали куда-то очень далеко на юг и попали в невероятно красивое место. Старик не умел ни читать, ни писать, но в том, как он говорил, чувствовалась мудрость, по своей глубине и силе сопоставимая с красотой пейзажа.

В нескольких словах он объяснил мне, что для того, чтобы по-настоящему прочувствовать жизнь, нужно познать бедность и научиться смирению. По тону его голоса и тому, как он произносил слова, я сразу понял, что он обладает способностью очень хорошо чувствовать собеседника. Мы были в абсолютной гармонии, как будто между нами не было никаких преград.

Иногда, вспоминая этот случай, я задавался вопросом – что именно сподвигло этого старика сказать мне те слова. Может быть, он хотел объяснить мне разницу людей с юга и побережья Алжира? Но я о ней знал и так, он был не первым, кто мне на нее указал.

А возможно, он хотел сказать другое: «Посмотри на этот пейзаж, он невероятный и не имеет никакого отношения к факту твоего существования. И все же ты можешь пропустить его сквозь свое тело и душу, если только отбросишь все страхи. Дыши и наслаждайся красотой природы – могущественной, но при этом гораздо более смиренной, нежели ты».

В конечном счете этот раздававший советы и наставления мудрец или «шейх», как, возможно, назвали бы его местные, был ни чем иным, как антиподом классического причитателя – того, что, поддавшись чувствам, непрестанно поет о собственных злключениях.

Вопреки традициям народного жанра причитаний, согласно которым во всем было принято винить самого себя, я искал виноватого вовне, и им был ты. Ты олицетворял мое внутреннее молчание, более того, ты словно был подтверждением того, что «хотеть» вовсе не значит «мочь». Сколько раз я, заскучав по человеку, не мог при виде него в полной мере выразить свою радость, как будто «хотеть» и правда не значило «мочь».

Это было ужасно, как для меня, так и для тех, кто был рядом со мной. Я не мог выразить свою радость, и тогда молчание брало верх. Мое душевное состояние неминуемо переда-

валось моим спутникам и становилось причиной наших ссор, недопониманий, расставаний – еще более болезненных в силу того, что я просто не понимал, из-за чего они.

Лишь немногие были способны понять эту мою аутистичную сторону, и они прилагали немалые усилия, чтобы быть рядом и заставить меня говорить. Я, в свою очередь, поддавшись их стараниям, внутренне успокаивался и начинал действительно говорить и осознавать, кто сейчас рядом со мной. Только тогда мне по-настоящему удавалось выражать свою радость и в то же время оставаться безмятежным.

Уже во взрослом возрасте я задумался о том, что мне не хватает этой возможности говорить. И что двум вещам – любви и языку – мы по-настоящему можем научиться только в семье.

А все, чему я научился, – это слушаться. В детстве я слушался из страха, в колледже – из того же страха, к которому добавилось еще и чувство долга. В университете мне пришлось смириться с необходимостью хорошо учиться, чтобы получать стипендию.

Но вот в том, что касается языка, который должен был озарять все вокруг словно луч яркого света, облагораживать почву моей жизни и утолять мою жажду, как прохладная вода, я использовал слова только для того, чтобы выразить определенные свои желания, убедить или даже победить собеседника.

Все мои эмоции были похожи на снег, небрежно раскиданный по краям дороги снегоуборочной машиной. Они замирали во мне, как грустный велосипедист, которому пришлось сойти с дистанции на полпути.

Этому молчанию, которое передавалось из поколения в поколение, я научился еще ребенком. Нам ничего не рассказывали, а мы даже и не думали спрашивать. Будто бы, задавая вопросы, мы нарушали право родителей на молчание. Теперь же я часто думаю, почему мы не задавали никаких вопросов? Потому ли, что любопытство было признаком невоспитанности?

Дедушек и бабушек уже не было в живых, поэтому у них мы спросить тоже не могли. А вот моим детям повезло гораздо больше: пускай они не застали живыми дедушку с бабушкой по отцовской линии, зато дедушку с бабушкой по материнской линии – да. Слушая их рассказы о прошлом, они проникались чувством невероятной нежности, а вместе с тем и ностальгией. Благодаря этим рассказам они узнавали сами себя.

Я же знал только бабушку по материнской линии, о папиных родителях мне было неизвестно ровным счетом ничего. Для меня они были как почтовые марки, которые вместо альбома прилепились куда-то к моей памяти. Я как будто коллекционировал воспоминания. Кто знает, почему все эти внутренние связи были нарушены, почему это повторялось раз за разом и какое значение могло иметь.

Безусловно, немалую роль в том, что эти внутренние связи были настолько нарушены, сыграл тот факт, что нам было известно лишь о некоторых эпизодах семейной истории, и в нашей памяти хранились воспоминания только о нескольких поколениях.

И потом долгое время мы жили словно в беспамятстве, занятые погоней за своим правом на жизнь и существование. Пробуждение и осознание себя произошло слишком поздно. Особенно осознание себя как армян, которое многих накрыло после землетрясения в Армении в 1988 году.

Тогда очень многие вдруг в полной мере прочувствовали свою принадлежность к армянскому народу: кто-то впервые отправился на родину, кто-то потом возвращался еще не раз, чтобы оказать помощь своей стране, а кто-то, как я, не сделал ровным счетом ничего. Я был слишком занят своей жизнью, работой, детьми и прочими вещами. Это пробуждение было не нужно многим из нас, но что мы могли поделать?

За всем этим последовали многочисленные путешествия, полные страха, если можно это так назвать. И моя самая первая поездка в Армению была особенной. Меня уговорил поехать

туда посол Армении в Италии, и я, поддавшись своему страху, принял его приглашение. Это решение далось мне трудно, пускай это и была всего лишь туристическая поездка.

Я тут же вспомнил, как в детстве стыдился своих родителей, которые разговаривали на армянском в автобусе в Гренобле. Путешествие в Армению было попыткой узнать свою родину, наш язык, нашу землю, такую далекую и такую неопределенную. Мы армяне, потому что учились в армянском колледже в Венеции. Мы армяне, потому что наши родители армяне. Мы армяне, потому что мы другие. Мы армяне просто из генетических соображений. Но во сколько страданий и мучений нам все это обошлось!

Мы отправились сначала в Афины, где нас на одну ночь приютил один мой университетский приятель. Самолет в Ереван вылетал на следующий день. Димитри – мой греческий друг – был тем еще болтуном, поэтому всю ночь мы провели за разговорами о значимости чувства принадлежности.

У посла не было никакой неопределенности, его происхождение не вызывало у него никаких сомнений. Более того, он родился в Армении – стоило упомянуть об этом сразу. Димитри в свою очередь тоже не имел никаких оснований сомневаться в собственном происхождении. Он был греком, а мы для него были армянами – это тоже не вызывало у него никаких сомнений. Но я возразил ему, что сам до сих пор не могу точно сформулировать свою национальную принадлежность, и что решился на это путешествие, поддавшись внутреннему инстинкту.

Я задумался над тем, какой выбор мне приходилось делать до сих пор: да, я женился, у меня были дети, я был сам себе начальником, но как все это было связано с моей национальной принадлежностью? Она хранилась где-то глубоко во мне и не имела никакого отношения к другим моим ценностям, будь то как раз родина или общественная организация, борьба за правое дело и прочие вещи.

Я даже завидовал Гагику – послу Армении в Италии – и чувствовал его национальную гордость, которая сильно давила на меня. Он словно хотел дать мне понять, что мне еще очень многого не хватало, чтобы по-настоящему считать себя армянином. Что же это такое, родина, – спрашивал я сам себя. Безусловно, то место, с которым тебя связывают чувства, язык, культура – все то, о чем я не имел ни малейшего представления, просто потому, что у меня было слишком мало отсылок к этому.

Что же касается языка, в современной Армении все разговаривают на восточном наречии, понять которое мне было очень сложно, потому что я разговаривал на западном, которое можно услышать в Турции и других частях света в армянских диаспорах. То есть везде, кроме самой Армении и Ирана. И этот факт еще больше усложнял всю ситуацию с моей попыткой почувствовать свою принадлежность. Но мне нужно было выработать в себе это чувство принадлежности, пускай и искусственно. Это было необходимо для нормальной жизни.

И все же в тот вечер мне хотелось побыть немного провокатором, поэтому я завел разговор о том, какой выбор мы совершаем в жизни. Я заявил, что не выбирал христианского Бога, и это тут же повлекло за собой ссору. Посол в ярости бросил мне, что христианство прочно вплетено в историю армянского народа и по-другому просто быть не может. В конце концов мы все легли спать, и я долго еще мучился от бессонницы в ожидании следующего дня. Размышляя о том, что со мной будет, когда я попаду в Армению, я все-таки смог погрузиться в сон.

На подъезде к аэропорту я впервые в жизни увидел самолет компании Armenian Airlines. Увидев эту надпись, расчувствовался. Вспомнил, как когда я был маленьким, в Гренобле иногда устраивали показы армянских фильмов советского периода – конца 40-х – начала 50-х годов. И при виде, казалось бы, простых коров на экране кто-то в зале громким голосом уточнял, что это были армянские коровы, а кто-то вдруг начинал плакать.

Примерно то же самое я почувствовал в тот момент в аэропорту. Что-то, что затронуло во мне очень глубокие струны. За свою жизнь я видел немало самолетов и путешествовал немало раз, но армянский самолет – это было для меня что-то совершенно иное.

Мы сели в самолет, вокруг меня были одни армяне – кто-то из них, из диаспоры, летел навесить родину, кто-то, наоборот, возвращался туда из путешествия. Это был самолет Туполева. Пока мы летели, посол представлял мне по фамилии и имени некоторых сидящих рядом пассажиров – «вот это епископ, это министр» и так далее.

Я был так взволнован, что в какой-то момент решил уточнить у посла, точно ли мы долетим до Еревана. На что он ответил, что поскольку пилоты армяне, в том, что мы долетим, никаких сомнений быть не может. Я уважительно промолчал в ответ на эту реплику. Иногда бывает так, что после приземления, пассажиры принимаются хлопать в ладоши, словно благодарят командира судна за полет. В этом самолете пассажиры хлопали и во время взлета тоже.

Во время полета все закурили сигареты и сигары. Епископ закурил толстую сигару и вскоре почувствовался ее аромат, а воздух заполонили белые струйки дыма. Спустя некоторое время после взлета командир судна объявил об изменениях в маршруте. Вместо того, чтобы лететь напрямик в Ереван, мы должны были остановиться в Салониках – чтобы забрать оттуда две армянские семьи.

Я задумался о том, сколько человечности было в этом решении. Когда мы прибыли в Салоники, власти аэропорта выделили нам место где-то в отдалении, как будто мы были заражены чумой. Солнце светило очень ярко, мы просидели в самолете больше часа в страшной духоте, пока наконец не прибыли две армянские семьи. И хотя было уже поздно и мы совершенно выбились из расписания, я ничуть не волновался. Со мной был посол.

Гуляя по улицам Еревана, столицы Армении, я не раз задавался вопросом о том, откуда во мне это чувство привязанности к здешним местам и людям. Ведь я никогда по-настоящему не знал их историю. И все же я чувствовал себя так, как будто постепенно узнаю что-то, что знал и до этого, и отсюда у меня появлялось чувство невероятного спокойствия.

Как будто я бродил по темной комнате, и вдруг передо мной начинали появляться яркие картинки. Я смотрел на армянских женщин так, словно все они были моими сестрами. Каждый раз, когда я обращался к кому-то, в моем голосе отчетливо слышались нотки бесконечного уважения.

В Ереване огромное количество маленьких фонтанчиков, и люди постоянно толпятся вокруг них, чтобы утолить жажду. Сначала дети, потом взрослые: в этом мистическом ритуале вода словно играла роль небесного дара, а все дары, как известно, следует принимать с большой благодарностью, что и делали все эти люди. Посол объяснил мне, что многие фонтаны были установлены на деньги богатых армян. Поэтому они так отличались внешне – каждый отражал в том числе и социальный статус дарителя.

Я путешествовал один, и поэтому мне не нужно было ни с кем согласовывать то, что я хотел сделать или увидеть. Мои внутренние переживания свободно путешествовали по всему телу, без всякой необходимости быть выраженными кому-то вовне в виде слов. Тем более, нет таких символов и языка, благодаря которым можно было бы объяснить другому свои эмоции. Язык един, и поэтому перевести свои эмоции довольно сложно.

Сколько недопониманий родилось из волновавшего меня вопроса моей принадлежности к армянскому народу. Недопониманий между мной и теми, с кем мне хотелось поделиться этим своим аспектом жизни. Возможно, это правда, что страдания каждого из партнеров, состоящих в близких отношениях, могут спровоцировать конфликт просто потому, что у пары нет общего языка, чтобы эти страдания выразить и разделить. Это парадокс, ведь в отношениях социальных все происходит совершенно по-другому.

В Эчмиадзине, святой святых Армянской Апостольской Церкви, мы встретились с самим Католикосом Венеции – привилегия, которая стала доступна мне благодаря моему близкому знакомству с послом. Последний практически никогда не оставлял меня одного. Мы поговорили обо всем: о Конгрегации ордена мхитаристов, о моем дяде Кирилле, которого в тот момент уже не было с нами. Моего дядю-священника хорошо знали и уважали за его способ-

ности к логическому анализу, и его книга о древней армянской литературе была тому неоспоримым доказательством.

То же самое мне подтвердил директор Матенадарана, где собраны тысячи книг. Он отвел меня в свой кабинет и показал лежащую на одной из полок его библиотеки книгу дяди. Он сказал мне, что эта книга является настоящим фундаментом нашей литературы. Я подумал о том, что важность моего дяди была очевидна, и она была определяющей – как в жизни моей матери, так и в моей, а также в жизни других важных представителей армянской нации.

Конечно, мое путешествие не могло обойтись без поездки на озеро Севан. Я тут же вспомнил уроки истории в колледже и географическую карту старой и большой Армении. Когда-то она занимала гораздо большую территорию, чем сегодня, и располагала тремя озерами: Ван, Урмия и Севан. Из этих трех на нынешней территории государства осталось всего одно. Озеро Ван находится на территории Турции, озеро Урмия – в Персии, и только озеро Севан, расположенное на высоте 2000 метров над уровнем моря, до сих пор остается символом страны.

Воды озера использовались так часто, в том числе и для энергоснабжения, что бывший островок «птиц» – так звучало его название – превратился в полуостров. И дойти до находящихся на нем двух церквушек можно было пешком. С высокого мыса, на котором виднеются купола обеих церквей, можно увидеть пляж с белоснежным песком.

Там был художник, который рисовал озеро и окружившие его горы. Я наблюдал за ним, он был такой же старый, как ты. Не знаю почему, но в какой-то момент я было подумал утопить тебя в ледяной воде озера, но затем передумал и не сделал этого. Не сделал этого, потому что мы не были родом из тех мест, если делить армян на восточных и западных. Хоть никто и не понимает этого разделения, я точно знаю, что ты бы восстал из тех мест, как после битвы при Аравайре. Именно поэтому ты продолжил сопровождать меня в этом путешествии по стране, где эмоции всегда брали верх над рациональным восприятием всех ситуаций.

Визит к памятнику жертвам геноцида в Ереване для меня был похож на глубинную логику наслоения разных реальностей – реальности пропасти и искупления. Так и я очутился там с цветком в руке и с внутренним вопросом, почему я до сих пор был жив и куда мне теперь следовало идти.

В этом знаковом и таком всеобъемлющем месте я не ощутил никаких мучений, никакой тревоги, но и никакой близости или незнания. Смерть в этом месте тоже была по какой-то причине абсолютно невысказанной.

Никогда больше в своей жизни я не ощущал ничего подобного. Стоя с цветком в руках перед вечным пламенем, символом всех жертв страшной трагедии, я думал об озере Севан, о голубом небе, которое отражалось в его водах, о пропасти, которую они скрывали, – полной воспоминаний, глухих к любого рода просьбам.

В этот момент я вдруг ощутил необходимость вспомнить, возвращался ли я когда-нибудь в течение взрослой жизни к своим детским воспоминаниям. И если я не делал этого раньше, то теперь отчетливо осознавал, что больше не могу не делать.

Воспоминания – не просто возврат к прошлому. Из воспоминаний, вероятнее всего, формируется наша личность. Именно на прошлом, на нашей истории и основывается все то, что мы выстраиваем в последующей жизни.

Долгое время я сидел над белым листом бумаги, размышляя о том, стоит ли продолжать писать и действительно ли это идет мне на пользу. Мне пришлось приложить усилие, чтобы выстроить мостик между моей мыслью и пустой страницей, я не видел в этом никакой цели. Оказываясь один на один с этой белой страницей, я терял нить повествования, меня охватывала паника, я не мог дышать и начинал задаваться вопросом, зачем вообще мне все это нужно.

Никто не давал мне задания писать, наполнять страницы воспоминаниями своей жизни. Кому это могло быть интересно?

Постепенно мне удалось убедить самого себя, что моя история была путешествием по волнам памяти, и что это путешествие помогало мне поменять свою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.